

С.В. ЧУГРОВ, Л.Б. КАРЕЛОВА

ЯПОНИЯ КАК «ОБЫЧНАЯ СТРАНА»: МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ)¹

Аннотация. Исследовательской задачей настоящей статьи стало выявление общей картины политической идентичности японцев в ее динамике через отношение к конкретным политическим проблемам, идеям и доктринам, через представления о роли своей страны в мире, отношение к «значимым другим» и собственной военной истории, определение основных различий между идентичностью на макро- и микроуровнях в период формирования официального курса по превращению Японии в «обычную страну». Решение этой задачи актуально для выстраивания конструктивной политики России в отношении Японии, более успешного нахождения областей и форм эффективного сотрудничества. В статье анализируется серия специальных и лонгитюдных исследований, характеризующих смену поколений за последние 20 лет, с целью определения, насколько изменились политические предпочтения японцев в реперных точках, отражающих их политическую идентичность, и какие из этих точек позволяют выделить значимые детерминанты. В качестве ключевой детерминанты из данных опросов авторы вычленили степень устойчивости пацифистского самосознания и проанализировали кумулятивное действие нескольких факторов формирования пацифизма как ядра политической идентичности японцев — а) архетипического принципа гармонии (*ва*), выражающегося в склонности японцев сглаживать потенциально конфликтные ситуации и в выдающейся способности к адаптации; б) длительного влияния конструктивистской парадигмы в политической риторике вокруг проблемы национальной безопасности; в) воздействие пацифистского

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет).

Адрес: 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76. **Телефон:** +7 (495) 502-43-17.
Электронная почта: new-polis@politstudies.ru

Карелова Любовь Борисовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН.

Адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. **Телефон:** +7 (495) 697-71-65.
Электронная почта: lbkarelova@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ по проекту № 19-011-31666 «Политическая идентичность в Японии: динамика ценностей и традиций (в перспективе российско-японских отношений)». Эта статья представляет собой развитие положений статьи: *Чугров С.В., Карелова Л.Б.* Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998–2019 гг. // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6673

культурно-политического дискурса; г) сложившегося после войны комплекса виктимности и д) отсутствия в обществе явного ощущения военной угрозы. Вместе они позволяют считать, что пацифистская самоидентификация имеет большой запас прочности, и говорить о бифуркации современной политической идентичности японцев, которая испытывает разновекторное давление «силовой» стратегии политического реализма и ценностных подходов конструктивизма. Авторы выясняют основные направления стратификации политической идентичности японского общества, указывают на некоторые намечающиеся тенденции в области представлений о политике в сфере безопасности, делают выводы о реальном месте и влиянии рефлексии о российско-японской территориальной проблеме в структуре политической идентичности японцев.

Ключевые слова: политическая идентичность; Япония; социологические опросы; пацифизм; конституция; значимые другие; проблема «северных территорий».

Для цитирования: Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 87–108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054

Приоритет восточной составляющей внешней политики России — это анализ динамики процессов, происходящих в массовом сознании азиатских обществ в последние десятилетия. Особый интерес представляет изучение политической идентичности этих обществ в контексте изменяющейся конфигурации международного политического пространства.

Проблемы, которые встали перед японским социумом в XXI веке и начали выступать индикаторами политической идентичности, — это в большей степени вопросы безопасности и переосмысления роли страны в мире. В 1990-х годах обрушился миф о «японской исключительности», *Japan as Number One* и наступлении *Pax Japonica*.

Именно тогда эйфория эпохи «японского чуда» сменилась стремлением стать «обычной страной»². Но для правящего класса Японии за этим понятием стоит пересмотр конституции, провозглашающей отказ от войны. Задача настоящей статьи — с помощью результатов опросов общественного мнения³ определить степень расхождения между

² Англосаксонская школа использует термин «нормальная страна» (*normal country*); мы же предпочитаем более точный перевод с японского — «обычная страна» (*фуцу-но куни*), чтобы избежать референтного антонима «ненормальная страна».

³ Авторы провели обработку замеров общественного мнения, проводимых японскими агентствами и центрами, среди которых: а) Найкакүфу дайзин камбо сэйфу кохосицу. (Информационный отдел при секретариате

макрополитической идентичностью, декларируемой в официальных доктринах и заявлениях, и микроидентичностью, проявляющейся в сознании рядовых японцев, на примере представлений относительно образа «обычной страны» и смежных вопросов.

Проблема конституции как маркер динамики политической идентичности

Пересмотр конституции — одна из стержневых проблем для понимания политической идентичности японцев. После поражения во Второй мировой войне в 1946 г. была принята (и вступила в силу с 1947 г.) «мирная» конституция, подготовленная в основном американскими экспертами. Первый пункт ее 9-й статьи провозглашает отказ от войны как средства решения международных споров, а второй — отказ от обладания вооруженными силами [4, с. 1013–1037]. У послевоенного поколения сложился психологический комплекс неприятия силовой политики. Он формировался с помощью системы образования, в которой после войны преобладали коммунисты и левые, доминировал социально-политический дискурс конструктивистской школы, выступавшей против заключения и продления договора безопасности с США, деятельности сетевых организаций буддистов, таких как *Сока гаккай* (Общество изучения ценностей) и др. Декларированный отказ от военной силы постепенно стал осознаваться обществом как предмет национальной гордости. Вклад в закрепление пацифистской идентичности внесли и популярные в 1960–1970-е годы «теории японской уникальности» (*нихондзинрон*), подчеркивающие внутреннюю склонность японцев к миру и гармонии (*ва*). Эти идеи проводили в своих трудах такие японские ученые, как Ямамото Ситихэй (Исайя Бен-Дасан), Наканэ Тиэ, Караки Дзюндзо и др. [11; 16; 3], которые на видное место ставили понятие *ва* (кит. *хэ*), означающее согласие, гармонию, равновесность. Оно выражает, с одной стороны, интегральную ценность, а с другой — основу социальной практики обеспечения стабильности и механизм консенсуса, который играет эту роль и сегодня [9, с. 683]. Гармония *ва* — это *сильнейший архетип, который занимает центральное место в цепочке первообразов, образующих ценностное ядро японского коллективного бессознательного* (в том смысле, который в это вкладывал К.Г. Юнг).

Позднее «теории японской уникальности» были признаны малонаучными, но архетипическую социокультурную роль *ва* никто

Кабинета министров). Сокращенно — Найкакуфу. Кабмин); б) НКХ хосо бунка кэнкюдзё (Научно-исследовательский институт вещательной культуры корпорации Эн-Эйч-Кэй). Сокращенно — НКХ. НИИ Эн-Эйч-Кэй; с) Исследовательский отдел газеты *Асахи*. Сокращенно — Асахи. Также были учтены опросы американского Исследовательского центра Пью (Pew Research Center).

никогда не отрицал, а пацифизм как «визитная карточка» страны вошел во внешнеполитические документы, например стал частью «доктрины Фукуды», выраженной в Манильской декларации 1977 г. (премьер Фукуда Такэо в ходе визита на Филиппины заявил, что Япония никогда не превратится в военную державу и будет строить отношения с Юго-Восточной Азией на основе дружбы и доверия, что эксперты назвали «исторически беспрецедентным экспериментом» [6, с. 245–246]).

После ликвидации на рубеже 1990-х годов биполярной системы японский политикум сфокусировался на поиске новых подходов к национальной безопасности в условиях снижения роли ООН, роста нестабильности и неопределенности, и правящей элитой был поставлен вопрос о пересмотре 9-й статьи Конституции. В 1992 г. был принят Закон о международном сотрудничестве по обеспечению мира, позволивший Японии направлять «силы самообороны» за рубеж для участия в миротворческих операциях ООН. В том же году один из лидеров ЛДП Одзава Итиро выступил с докладом, в котором открыто артикулировал «ненормальный» статус Японии [см.: 14], а в 1994 г. в книге «План новой Японии: Переосмысление нации» призывал к масштабному участию в операциях ООН [17, с. 119]. После того как вклад Токио в финансирование операции в Персидском заливе был недооценен союзниками, Одзава поставил вопрос о том, что Япония не способна в силу конституционных «помех» быть полноценным членом мирового сообщества, и тем самым наметил курс на превращение ее в «обычную страну» [17, с. 93–127].

Первый кабинет Абэ Синдзо начал трансформацию законодательной базы. В 2005 г. ЛДП предложила проект изменения конституции, а в 2014 г. парламент принял резолюцию, позволяющую направлять «силы самообороны» за рубеж для защиты «дружественных стран», даже если Япония при этом не подвергается нападению. Общество отреагировало сокращением поддержки кабинета Абэ до 47%, а когда в июле 2015 г. положения резолюции были закреплены в виде закона, рейтинг кабинета сразу упал до 37%⁴.

Таким образом, стала просматриваться ситуация двойственной идентичности, своего рода идентификационного кризиса в связи с проблемой определения места Японии в мире, которую исследователи начали констатировать в начале XXI в. [13, р. 129–130]. Противоречивость тренда пацифистской идентичности показывают опросы Института NHK, проводившиеся методом интервьюирования в 1974, 1992, 2002, 2017 гг., а также телефонные опросы 2007, 2013,

⁴ Сэйдзи исики гэцурэй тэса. Найкаку сидзирицу. [Ежемесячный мониторинг политического сознания. Уровень поддержки кабинета министров.] // NHK. (НИИ Эн-Эйч-Кэй) [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www.nhk.or.jp/bunken/yoron/political/2015.html>

2014, 2018 гг. (табл. 1). Их результаты разнятся в зависимости от метода: при прямом интервьюировании число сторонников пересмотра конституции выросло на 12 процентных пунктов с 1974 по 2017 г.⁵ Телефонный опрос того же института показал, наоборот, 1) снижение с 2007 по 2018 г. на 12 процентных пунктов числа сторонников пересмотра конституции и 2) красноречивое разделение противоположных мнений поровну в 2018 г. (29 и 27%) при высоком показателе затруднившихся сделать выбор (39%). Это доказывает, что при личном интервью японцы осторожнее в суждениях, чем при анонимном. Тут приоткрывается одна из черт психологического портрета японцев — конформизм и нежелание открыто противостоять установкам, доминирующим в официальной риторике. Мы больше доверяем именно телефонному опросу с применением компьютерной выборки, которая обеспечивала анонимность, тем более что его данные примерно совпадают с результатами аналогичных опросов других агентств, поэтому будем опираться именно на него.

Таблица 1

Считаете ли Вы необходимым пересмотреть действующую конституцию?
% от числа опрошенных, телефонный опрос

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	2007, n=1486	2013, n=1615	2014, n=1600	2015, n=1551	2018, n=1891
да	40,8	41,6	28,4	27,7	29,0
нет	24,4	16,0	26,2	24,6	26,8
затрудняюсь ответить	30,4	39,3	40,3	42,8	39,3
не знаю, нет ответа	4,3	3,1	5,1	4,9	4,9

Примечание: Составлено авторами по данным архива Эн-Эйч-Кэй за разные годы. В указанном источнике дано округление до целых единиц.

Источник: Нихондзин то кэмпо. 2018. [Японцы и конституция. 2018] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenpou70/yoron2018.html>

По этому опросу высказавшиеся за изменение 9-й статьи в качестве мотивов назвали следующие: нынешняя редакция противоречит духу эпохи (54%), нужно подтвердить право на самооборону и уточнить статус «сил самообороны» (32%) и «конституция была принята под давлением США» (5%). «Охранители» же 9-й статьи выдвигали такие соображения: это — самая важная статья конституции (58,4%); «нужен запрет на применение силы за границей» (22,4%); «отказ от мирной

⁵ Нихондзин то кэмпо. 2017. [Японцы и конституция. 2017] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenpou70/yoron2017.html>
https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20171001_9.pdf

статьи ухудшит отношения со странами Азии» (5,1%); если сохранить 9-ю статью, ее можно корректировать, меняя толкование (11,3%)⁶.

Весной 2019 г. опрос газеты «Асахи» показал, что идею изменения конституции поддержали 38%, выступили против изменений — 47% и затруднились ответить или дали другой ответ — 15%. За то, чтобы пересмотр проходил под контролем кабинета Абэ, высказались 36%, против — 52% (!), затруднились ответить или дали другой ответ — 12%⁷.

Что касается проблемы уточнения статуса сил самообороны, то согласно опросу НИИ Эн-Эйч-Кэй 2017 года, большинство респондентов (89,8%) считали, что главная их роль должна состоять в мирной спасательной и восстановительной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Какова должна быть роль сил самообороны? % от числа ответивших

Варианты ответа	Доля ответов, n= 2643
спасение людей и восстановительные работы после стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций	89,8
антитеррористическая превентивная деятельность	62,9
защита от внешней агрессии	62,0
участие в миротворческих операциях ООН	47,0
совместные операции с союзниками	33,6
силы самообороны не нужны	0,3

Источник: Нихондзин то кэмпо. 2017. [Японцы и конституция. 2017] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenrou70/yoron2017.html>

Общество раскололось, число защитников конституции обнаружило тенденцию к росту, и вопрос о пересмотре 9-й статьи, скорее всего, еще будет висеть неопределенно долго, а вокруг него в сознании японского общества выстраивается нечто вроде «берлинской стены» [14, p. 42].

Сопряженность политической идентичности и проблем безопасности

Можно говорить о связи политической идентичности и моделей обеспечения безопасности, которые были обозначены еще в споре

⁶ NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenrou70/yoron2018.html>

⁷ Кэмпо то сэйдзи исики ёрон тэса — сицумон то кайто [Опрос об отношении к конституции и политике — вопросы и ответы // Асахи симбун диджитал. 03.05.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM4M4CDXM4MUZPS003.html> / Опрос проводился с 6 марта по 15 апреля 2019 г. по почте методом стратифицированной случайной выборки (квота составляла в среднем по 9 человек от каждого из 335 избирательных округов), N = 2043.

между реалистами и конструктивистами в 1950–1960-е годы. Однако предпочтения общества продиктованы его видением существующих угроз. В наши дни различные фобии, чувства подавленности и отверженности продуцируют «множество эффектов с общим знаменателем — включением страха в онтологическое ядро (*fear-ization*) всего политического» [2, с. 10]. Но японцам проблемы обороны не видятся в гипертрофированном ракурсе; по опросам разных лет, они вызывают интерес лишь 10–20% опрошенных.

Удивительно, что на первое место в ряду тревог в 2017 г. вышла угроза кибератак из-за рубежа (76%) и экзистенциальная опасность «глобальных изменений климата» (67%). И только за ними идут такие озабоченности, как «сила и влияние Китая» (64%), «сила и влияние» США» (62%) и лишь затем — угроза ИГИЛ (запрещенной в России). Подчеркнем, что «сила и влияние России» беспокоит лишь 43% опрошенных (табл. 3)!

Таблица 3

Какие угрозы вызывают у вас наибольшую озабоченность?

% от числа ответивших, телефонный опрос

Варианты ответа	Доля ответов, n=1009
кибератаки из других стран	76
глобальные изменения климата	67
сила и влияние Китая	64
сила и влияние США	62
угроза террористической организации ИГИЛ	62
состояние глобальной экономики	51
сила и влияние России	43
большое количество беженцев из Сирии и Ирака	38

Источник: Japanese Divided on Democracy's Success at Home, but Value Voice of the People (Опрос в Японии Исследовательского центра Пью, 2017 г.) // Pew Research Center. Spring 2017 Global Attitudes Survey. Q17a-h [электронный ресурс]. Дата обращения: 30.09.2019. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/10/17/japanese-divided-on-democracys-success-at-home-but-value-voice-of-the-people/>

Преодоление угроз, осознаваемых как наиболее значимые, не требует силовых методов решения.

Растущий Китай, который на фоне спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао угрожает «свалиться на крошечную Японию», вызывает опасения в той же мере, что и риск втягивания в военный конфликт в качестве союзника США.

В другой части спектра останавливает взгляд невысокий интерес японцев к европейской политике, хотя Европа остается в числе самых популярных туристических маршрутов. В целом, их задевают за живое лишь проблемы, угрожающие их комфортному существованию.

Эксперты отмечают, что в списке угроз нет графы про страх перед расползанием ракетно-ядерного оружия [15]. Тревога охватила страну, когда у ее берегов падали в море северокорейские ракеты. Но парадоксально быстро волна страха перед Пхеньяном улеглась.

Крайне важно, что японцы в то же время по-прежнему полагаются на договор безопасности с США, и на протяжении полувека уверенность в незаменимости этого документа выросла вдвое, достигнув 81,1%. Параллельно доля предпочитающих «сокращение или упразднение сил самообороны» увеличилась за полвека более чем втрое (табл. 4).

Таблица 4

Какой способ обеспечения безопасности страны следует избрать?

% от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.					
	1969, n=2474	1997, n=2114	2003, n=2126	2009, n=1781	2012, n=1893	2018, n=1671
сохранение системы на основе японо-американского договора безопасности и с помощью сил самообороны	40,9	68,1	72,1	77,3	82,3	81,9
выход из японо-американского договора безопасности и использование только «сил самообороны»	12,9	7,1	8,3	9,9	7,8	7,1
сокращение или упразднение «сил самообороны»	9,6	7,9	4,7	4,2	2,2	2,9
не знаю	35,3	16,3	13,8	7,2	7,0	7,4
другие ответы	1,3	0,6	1,1	1,4	0,7	0,7

Источник: Дзизэтай бэй мондай-ни кан-суру ёрон тэса [Опрос о силах самообороны и проблемах обороны] // Найкакуфу. Кабмин. 1969, 1997, 2003, 2008, 2012, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-all.html>

В 2012 г. впервые появился вопрос: «Сотрудничество в области обороны с какими странами помимо США способствовало бы обеспечению безопасности Японии?» и ответы 1524 респондентов распределились таким образом: с Китаем — 61,7%, с Южной Кореей — 61,5%, со странами ЮВА — 45,9%, с Россией — 28,3%, со странами Европы — 27,3%, с Индией — 19,2%, с Австралией — 17,2%⁸. В 2018 г. на этот вопрос ответили 1330 человек из 1671. Ответы распределились так: с Китаем —

⁸ Дзизэтай бэй мондай-ни кан-суру ёрон тэса. [Опрос о силах самообороны и проблемах обороны] // Найкакуфу. Кабмин. 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h23/h23-bouei/index.html>

43,8%, со странами ЮВА — 42,2%, с Южной Кореей — 41,1%, со странами Европы — 34,1%, с Австралией — 30,2%, с Россией — 26,1%, с Индией — 24,3%⁹. Красноречиво на фоне «островных» претензий выглядит одобрение каждого четвертого японца контактов с Россией в сфере обороны и сокращение надежд на сближение с Китаем и Кореей.

Представления о роли Японии в мире

Опросы показывают, как сформировавшийся после преодоления травмы от поражения во Второй мировой войне самообраз Японии дрейфовал от претензий на исключительность в 1970-х годах к противоречивому образу «обычной страны». К повлиявшим на политическую самоидентификацию факторам следует причислить концепты японских премьеров — «доктрину Ёсиды», сразу после войны обозначившую курс на экономический прорыв за счет минимизации военных расходов, уже упомянутую «доктрину Фукуды», определившую роль Японии как мирной экономической державы. В 1997 г. «доктрина Хасимото» уготовила место Японии важного игрока в создании международного порядка, основанного на стабильности.

Премьер-министр Абэ продолжил курс на более активное участие Японии в решении мировых проблем. В 2006 г. он опубликовал программную книгу «К красивой стране», где изменил суть дискурса об «обычной стране», присовокупив к нему цель превращения Японии в ответственного члена мирового сообщества, использующего в случае необходимости военную силу. В его лексическом обрамлении, которое в деталях обсуждалось и в медийном пространстве, и политологами, «красивая страна» — это страна, которая ценит свою культуру, традиции и историю, соблюдающая порядок, в то же время обладающая энергией для развития и являющаяся лидером, которому доверяют, уважают и любят во всем мире [1]. Очевидно, что за девизом «Вернуть Японию!» скрываются более амбициозные планы премьера войти в историю, избавив японцев от синдрома побежденной нации и тем самым завершив «послевоенный период» и дав старт новому этапу развития страны. Оппоненты задаются вопросом: «Что может быть красивого в содействии развитию человеческих ресурсов воюющей страны?» [8, р. 17]. Они считают, что происходит подмена понятий и что политик готов превратить Японию не в «обычную страну», а в державу, обладающую атрибутами сильного и агрессивного государства и планами, схожими с мессианизмом 1930-х годов.

Вскоре после обнародования премьером своего видения образа Японии был проведен опрос о главных элементах образа «красивой страны», показавший, что половина японцев связывает его прежде всего с традициями, культурой, природой, историей (табл. 5).

⁹ Дзизьтай бозэй мондай-ни кан-суру ёрон тэса. [Опрос о силах самообороны и проблемах обороны] // Найкакүфу. Кабмин. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-bouei/index.html>

Таблица 5

Каковы важнейшие черты образа красивой страны?*% от числа опрошенных*

Вариант ответа	Доля ответов, n=1827
ценящая свои традиции, культуру, историю	47,5
имеющая достоинство и соблюдающая порядок	22,6
обладающая энергией для развития	10,2
являющаяся лидером	16,7
не знаю	3,1

Источник: Уцукусий кунидзукури-ни кан-суру токубэцу ёрон тэса. [Специальный опрос о строительстве «красивой страны»] // Кабмин. 2007 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h19/h19-utukusii.html>

Если же обратиться к лонгитюдным опросам, показывающим, какой представляется роль Японии в массовом сознании, то мы видим следующую картину (табл. 6).

Таблица 6

Роль, которую должна играть Япония в мире, % от числа ответивших

Вариант ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	1998, n=2116	2003, n=2072	2008, n=1826	2012, n=1838	2018, n=1663
вносить вклад в общие усилия по урегулированию региональных конфликтов, включая гуманитарную помощь	40,0	51,5	51,8	60,7	58,8
вносить вклад в решение глобальных проблем окружающей среды и др. глобальных проблем	40,2	39,1	66,5	52,5	54,1
вносить вклад в укрепление мира и безопасности через деятельность, направленную на разоружение и нераспространение оружия массового уничтожения	-	-	-	42,5	40,8
оказывать гуманитарную поддержку беженцам и терпящим бедствие, прежде всего женщинам и детям	28,8	25,0	37,7	38,2	31,6
вносить вклад в здоровое развитие мировой экономики	20,3	19,1	35,0	35,7	40,6
участвовать в сотрудничестве по защите таких международно признанных ценностей, как свобода, демократия и права человека	18,6	19,7	29,8	35,7	34,0
помощь развивающимся странам	17,6	13,1	37,7	38,4	37,5
вносить вклад в развитие мировой науки	-	-	-	33,6	35,5
вносить вклад в международные культурные обмены и способствовать сохранению культурного наследия во всех регионах мира	5,2	5,7	21,5	24,6	22,2
не знаю	8,1	6,3	3,3	3,3	3,1

Примечание: респондентам было предложено выбрать не более двух вариантов ответа.

Источник: Гайко-ни кан-суру ёрон тёса. [Опрос по внешней политике] // Найкакуфу. Кабмин. 1998, 2003, 2008, 2013, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Нельзя не обратить внимание на рост числа упоминаний (вдвое или больше) таких аспектов влияния, как защита свободы, демократии и прав человека, помощь развивающимся странам, развитие мировой науки, культурных обменов и сохранение культурного наследия во всех регионах мира. Но они никак не связаны с силовой составляющей влияния. Социолог Марк Бортвик (США) отметил, что японцы позиционируют себя «как островную, глядящую внутрь себя нацию, которую не допускают к лидерским функциям в международном сообществе, и глубоко озабоченную своей уязвимостью перед внешними силами, будучи островной нацией с бедными ресурсами» [12, р. 240]. Массив опросов подтверждает это мнение.

Тем не менее отношение японцев к отправке контингента «сил самообороны в зоны конфликтов» остается осмотрительным. Вопрос стал предметом публичных обсуждений с 1990-х годов, они достигли первого пика в 2003–2004 гг. и второго — в 2018 г. (табл. 7).

Таблица 7

Отношение к участию Японии в операциях ООН по поддержанию мира, % от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	1998, n=2116	2003, n=2072	2008, n=1826	2012, n=1838	2018, n=1663
сохранить нынешний уровень участия	47,7	44,7	51,6	49,4	58,4
участвовать более активно	31,4	22,1	25,1	33,9	21,8
следует участвовать, но по возможности ограничить объем участия	11,6	20,0	16,0	9,1	12,8
участвовать не следует	2,8	4,1	3,1	1,7	2,2
другие ответы	0,3	0,7	0,7	0,5	0,4
не знаю	6,2	8,4	3,6	5,3	4,4

Источник: Гайко-ни кан-суру ёрон тёса. [Опрос по внешней политике] // Найкакуфу. Кабмин. 1998, 2003, 2008, 2013, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Из сравнения результатов следует, что большинство опрошенных, соглашаясь с тем, что участие в миротворческих операциях соответствует интересам страны, не видят нужды его наращивать.

Опросы по проблеме членства Японии в Совете Безопасности ООН также отражают стремление играть более активную роль в миро-

вой политике (табл. 8). Максимальное число респондентов, поддержавших идею постоянного членства Японии в ООН, было зафиксировано в 2012 г. (79,6%). В целом опросы за 20 лет показывают устойчивый рост числа сторонников усиления японского влияния на международные дела, и в этом японцы демонстрируют единодушие.

Таблица 8

Отношение к проблеме вхождения в Совет Безопасности ООН в качестве постоянного члена, % от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	1998, n=2116	2003, n=2072	2008, n=1826	2012, n=1838	2018, n=1663
согласны	68,1	67,6	78,8	79,6	78,9
против	9,9	10,7	8,6	5,7	7,5
не знают	21,9	21,5	12,5	14,7	13,5
другие ответы	0,0	0,2	0,1	0,0	0,1

Источник: Гайко-ни кан-суру ёронюу тэса. [Опрос по внешней политике] // Найкакуфу. Кабмин. 1998, 2003, 2008, 2013, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Явно доминирует точка зрения, что Япония должна вносить более активный вклад в международное сотрудничество по урегулированию региональных конфликтов в рамках ООН и т. д., и подобные предпочтения имеют тенденцию к укреплению. Однако активизм в качестве глобального игрока по-прежнему видится скорее в форме дипломатии и гуманитарной помощи, нежели участия в военных операциях.

«Значимые другие» в глазах японцев

Важный элемент политической идентичности — отношение к другим нациям. Мы упоминали, что *ва*, гармоничные отношения, пронизанные взаимным альтруизмом, — один из ключевых архетипов в Японии. Не случайно иероглиф *ва* на протяжении истории 20 раз использовался в девизах правления императоров, в том числе и в 2019 г. Но понятие *ва* используется прежде всего по отношению к своей группе. К другим группам (нациям) применимо другое понятие — *нарэаи*, что означает договоренность, сообщничество, взаимное восхваление, обоюдные услуги.

Ежегодный опрос о внешней политике под эгидой кабинета министров всегда открывает блок вопросов о симпатиях и антипатиях к другим странам. Если обратить внимание на порядок, в котором расположены страны, то первые четыре позиции занимают США, Россия, Китай и Корея. С ними Японию связывают не только проблемы региона, но и военное прошлое.

Несмотря на атомные бомбардировки и оккупацию Японии американскими войсками, США были и остаются ориентиром, «значимым другим», на которого Япония стремится быть похожей, а именно

сильной, богатой демократической страной, олицетворяющей для японцев западную цивилизацию. Складыванию позитивного образа США в глазах японцев способствовали такие факторы, как демилитаризация Японии, заключение «договора безопасности», позволившего ей сосредоточиться на восстановлении страны и развитии экономики, демократические преобразования по американским лекалам. В глазах японцев Вашингтону удалось «компенсировать» те страдания и унижения, которые выпали на их долю. Однако американский «град на холме» никак не соответствует образу «обычной страны»

Самопозиционирование Японии по отношению к соседям — Китаю и Корее — и к другим азиатским странам, судя по опросам, от ощущения своего превосходства и патернализма 1970–1980-х годов сменилось к концу XX в. чувством культурной близости с ними. Тем не менее на протяжении последних 20 лет индикаторы симпатий к Китаю и Южной Корее в опросах падали, и сейчас они крайне низки (табл. 9). Если отшелушить массу наслаивающихся причин и ограничиться факторами, относящимися к политической идентичности, то мы обнаружим, что в японском массовом сознании в отношении Китая доминирует мнение о недемократичности его режима, т. е. Япония как референт подчеркивает приверженность демократии. Вот оценка эксперта Акиты Хироюки: «С точки зрения геополитики доминирование Китая в Индо-Тихоокеанском регионе будет столь же вредным для нашей демократической страны, как и гегемония Китая, проявляемая в области высоких технологий. Для демократии это все равно что жить в мире, где мало кислорода и трудно дышать воздухом» [10].

Что касается Южной Кореи, то большой любви между Токио и Сеулом не было никогда. Через 75 лет после войны они ведут спор о том, сколько, как часто и в какой форме Япония должна искупать свои прошлые «прегрешения». Японцев шокировало недавнее требование администрации президента Мун Чжэ Ина компенсировать группе корейских граждан (или их потомкам) принудительный труд в Японии с 1910 по 1945 г. Токио отвергает эти притязания, считая, что разногласия улажены договором 1965 г., и требует «не нарушать порядок»¹⁰. Вспомним, что в опросе по поводу «красивой страны Японии» 22,6% респондентов подчеркнули, что их родина — это «страна, имеющая достоинство и соблюдающая порядок» (табл. 5). То есть пристрастие к «порядку» японцы относят к ключевым чертам своей идентичности, а Сеул порядок нарушил, и чтобы заявить о своей позиции, в Токио отменили торговые привилегии для Южной Кореи.

Восприятие России остается в целом негативным, что объясняется прежде всего исторической памятью, созданной усилиями масс-медиа. Роль России в складывании политической идентичности

¹⁰ Интервью авторов с проф. Университета Канадзава Симотомай Нобуо, 22.10.2019.

Японии, по мнению политолога Осаки Ивао, состоит в том, что проблема «северных территорий», которая «была изобретена японским правительством», важна «для придания “нации” общей коллективной идентичности» [5, с. 37].

Таблица 9

Уровень симпатий Японии к соседним странам за последние 20 лет, %

Год, число опрошенных, чел.	Страны			
	США	Россия	Китай	Южная Корея
1998, n=2116	77,6	14,9	48,9	46,2
2003, n=2072	75,8	20,0	47,9	55,0
2008, n=1826	73,3	13,0	31,8	57,1
2012, n=1838	84,5	19,5	18,0	39,2
2018, n=1663	75,5	17,7	20,8	39,4

Примечание: Суммарная доля ответов «испытываю симпатию» и «скорее испытываю симпатию».

Источник: Составлено по: Гайко-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос по внешней политике] // Найкакуфу. Кабмин. 1998, 2002, 2008, 2013, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html>

Как видим, симпатии к США за последние 20 лет сохраняются на высоком уровне, а их пик пришелся на 2012 г. Наметился рост позитивного восприятия России после его падения в 2008 г., связанный с крахом надежд на скорое решение территориального спора. Вместе с ним отмечается снижение уровня симпатий к Китаю и Республике Корея, вызванное прежде всего обострением споров вокруг островов Сэнкаку (яп.) / Дяоюйдао (кит.) и Такэсима (яп.) / Токто (кор.).

Опрос *Pew Research Center* (США), проведенный в 2015 г., объясняет отношение Японии к своим «значимым другим» с точки зрения доверия / недоверия. Уровень доверия (% от числа опрошенных) показателен: к США — 75%, к Южной Корее — 21%, к Китаю — 7% и к Австралии — 78%¹¹. (Заметим, что из стран региона лишь Россия демонстрирует стабильно позитивное отношение к Японии, что можно назвать стратегической эмпатией).

Отношение к военной истории в свете политической идентичности

Колебания японского общества между пацифистской идентичностью и стремлением стать «обычной страной», способной отвечать

¹¹ Americans, Japanese: Mutual Respect 70 years After the End of WWII // Pew Research Center. 2015. [online]. Accessed 30.09.2019. URL: <http://www.pewresearch.org/global/2015/04/07/americans-japanese-mutual-respect-70-years-after-the-end-of-wwii/> Число опрошенных — 1000 чел. Метод — анонимный телефонный опрос среди лиц в возрасте от 18 лет и старше.

на вызовы меняющегося мира, связаны с оценкой событий тех войн, которые Япония вела в XX веке. Опросы, проведенные в связи с 60-ти и 70-летием окончания Второй мировой войны, показали, что сам факт поражения Японии и травма, нанесенная войной, до сих пор остаются элементом идентичности этой страны. По мнению японоведа Д.В. Стрельцова, специфика послевоенной идентичности японцев состояла в том, что хотя военное прошлое в целом вызывало чувство стыда, в национальном сознании возник «комплекс виктимности», то есть ощущение, будто «простые люди» стали жертвой обмана со стороны милитаристского командования, коварства соседей, атомных бомбардировок и прочих обстоятельств. Это жалостливое отношение к своей судьбе и страданиям создавало «чувство психологического комфорта» [7, с. 38–45]. Власти поощряют отказ от «мазохистского отношения» к истории и повышение уровня гордости за свою страну.

Показательным можно назвать опрос НИИ телерадиовещательной корпорации NHK, проведенный в 2014 г. методом случайной стратифицированной выборки по всей стране среди граждан от 20 лет, $n=2635$. Вопрос «Считаете ли Вы, что послевоенный период до сих пор продолжается?» разделил общество на три почти равные части: положительно ответили 32%, отрицательно — 30%, и затруднились ответить — 38%. В числе причин, по которым послевоенный период не закончился, названы такие: «не решена проблема северных территорий» — 29%, «в стране сохраняются американские военные базы» — 28%, «еще остаются военные шрамы и воспоминания» — 20%, до конца не ясно, кто виноват в войне, — 7%, не принята суверенная конституция — 6%, продолжает действовать мирная конституция — 5%¹².

Вместе с тем, как показал телефонный опрос, проведенный газетой *Асахи* в марте–апреле 2015 г. к 70-летию окончания войны ($n=2016$), 57% считали, что Япония уже принесла извинения и компенсировала ущерб, нанесенный во время войны другим народам, тогда как 24% ответили, что извинений еще недостаточно. При этом 46% высказались за то, чтобы продолжать приносить извинения, а 42% — за то, что в этом больше нет нужды¹³.

¹² Арамаки Х., Кобаяси Т. Ёрон тёса дэ миру нихондзин-но «сэнго» — «Сэнго 70 нэн-ни кансуру исики тёса»-но кэкка кара. [Восприятие японцами 70-ти послевоенных лет. По результатам опроса «Исследование общественного мнения в связи с 70-летием окончания войны»] // The NHK monthly report on broadcast research. 2015. № 65 (8). С. 2–17 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: http://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20150801_4.pdf

¹³ (Сэнго 70 нэн) Нихон 46%, Дойцу 94% хигай атаэта сюэхэн коку то «умаку иттэиру». Асахи симбун нитидоку ёронтёса. [70 лет после войны. 46% в Японии и 94% в Германии считают, что отношения с соседними странами, которые пострадали во время войны, «складываются хорошо». Опрос газеты Асахи в Японии и Германии] // Асахи симбун. 14.04.2015 [электронный ресурс]. URL: <http://www.asahi.com/articles/DA3S11703500.html>

В рамках исследования общественного мнения газеты *Майнити*, опубликованного 13 августа 2015 г., поставлен вопрос о том, была ли война со стороны Японии ошибкой или вынужденной мерой. Ошибочность войны признали 47% респондентов, тогда как ее вынужденный характер отметили 24%, и столько же затруднились ответить¹⁴. Эти цифры показывают, что не менее трети японцев еще не могут преодолеть «послевоенное» мировосприятие, считая войну пока не пережитой до конца трагедией, а мирное развитие неоспоримой ценностью, тогда как другая треть ощущает себя уже в «постпослевоенной» парадигме. Тем не менее большая часть общества уже смотрит на участие Японии в войне скорее как на фатальное стечение обстоятельств и не видит необходимости в дальнейшем покаянии. В этом смысле идет смена парадигмы.

Проблема «северных территорий» сквозь призму опросов

Официальный Токио не мыслит «окончание послевоенного периода» без «возвращения» потерянных в войне территорий.

Насколько японцы знакомы с проблемой «северных территорий», которую принято связывать с негативным отношением к России? Посмотрим на опросы информационного отдела кабинета министров, проводимые каждые пять лет с 2008 г. методом двухэтапной случайной стратифицированной выборки. Как видим (табл. 10), доля уверенно ответивших, что знакомы с проблемой, снизилась с 2013 по 2018 г. более чем втрое, что говорит о существенном снижении интереса к существованию спорного вопроса.

Таблица 10

Знаете ли Вы о проблеме северных территорий между Японией и Россией? % от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.		
	2008, n=1826	2013, n=1848	2018, n=1663
знаем	39,2	40,5	12,9
более или менее знаем	40,0	41	52,5
слышали, но не знаем подробностей	18,8	16,1	31,3
не слышали	1,4	1,8	1,0
не знаю	0,5	0,6	1,9

Источник: Хоппо рёдо мондай-ни кан-суру токубэцу ёрон тёса. [Специальный опрос по проблеме «северных территорий»] // Найкакүфу. Кабмин. 2008, 2013, 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h30/h30-hoppou.pdf>
<https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h25/h25-hoppou.html>
https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h20/h20-hoppo_chosahyo.pdf

¹⁴ Майнити симбун. 13.08.2015.

Причем те, кто в 2018 г. ответил в целом положительно на поставленный вопрос (1608 чел.), в качестве источников информации назвали телевидение и радио (88,4%), газеты (58,3%), школьные уроки (25,4%), интернет (18,8%), книги и журналы (16,1%), разговоры с членами семьи и знакомыми (8,5%). Далее, опрос показал, какая доля населения готова участвовать в просветительской деятельности по проблемам «северных территорий»: лишь около 1% опрошенных готовы активно искать информацию и принимать участие в мероприятиях, связанных с этой проблемой, 7,5% готовы участвовать «при случае», 17,2% стали бы участвовать, если бы получили приглашение. 59,0% заявили об отсутствии особого желания, а 8,3% — об определенном нежелании участвовать. Показательны причины нежелания 1120 из 1663 человек быть волонтерами этого «просветительского» движения: «недостаточно хорошо понятна суть проблемы» (35,2%), «не вижу смысла участвовать» (26,3%), «полагаю, что кроме меня найдутся те, кто будет участвовать» (17,9%), «не интересуюсь этой проблемой (15,4%), «члены моей семьи и друзья не поймут меня, если я буду участвовать в политических движениях» (14,5%)¹⁵.

Аналогичные опросы проводились в 2008 и 2013 гг., но вопрос был поставлен в другой формулировке — о готовности участвовать в *движении* за возвращение «северных территорий». В итоге в 2008 г. так или иначе заявили о нежелании участвовать в подобных мероприятиях 59,4% опрошенных (1085 из 1826), а в 2013 г. — 59,5% (1099 из 1848)¹⁶. Таким образом, на протяжении последнего десятилетия эта пропорция остается неизменной и демонстрирует индифферентное отношение к проблеме большинства японцев, при том что она считается одним из главных факторов, определяющих негативный образ России в их глазах.

Выводы

Регулярные лонгитюдные опросы позволяют более основательно ответить на вопрос, куда идет Япония и как меняется вектор общественных настроений. Опросы показывают, что японцам не свойственно предаваться долгосрочным планам и рефлексиям; они преимущественно прагматичны, гибки и стараются не загадывать на далекую перспективу.

¹⁵ Хоппо рёдо мондай-ни кан-суру токубэцу ёрон тёса. [Специальный опрос по проблеме «северных территорий»] // Найкакуфу. Кабмин. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h30/h30-hoppou.pdf>
https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h20/h20-hoppo_chosahyo.pdf

¹⁶ Хоппо рёдо мондай-ни кан-суру токубэцу ёрон тёса. [Специальный опрос по проблеме «северных территорий»] // Найкакуфу. Кабмин. 2008, 2013 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h20/h20-hoppo_chosahyo.pdf

Несмотря на то, что в целом японскую модель политической идентичности можно охарактеризовать как патерналистско-этактистскую, опросы позволили протестировать предположение, что японцы имеют монолитную идентичность. В итоге симпатии / антипатии общества делят его практически пополам, или же оно распадается на более мелкие группы. Также выявлены направления дифференциации политического самосознания общества и возможных трансформаций самоидентификации. В условиях, когда партийно-политическая идентичность японцев нечетко выражена и ситуативна, именно через отношение к конкретным проблемам и доктринам можно достаточно наглядно определить идентификационные различия общества.

Чтобы трансформироваться в элементы идентичности, те или иные нарративы и концепции должны стать частью обыденного мышления, приобрести ценностные измерения, начать осознаваться как принадлежность определенного сообщества, группы — в отличие от других сообществ. С одной стороны, политическая идентичность, как мы видим на примере Японии, — это результат комплекса разноплановых условий (исторических, географических, экономических, социокультурных). С другой стороны — это динамичное, постоянно достраивающееся явление, имеющее некий коридор для целенаправленного воздействия, в том числе и с помощью стереотипов, распространяемых через систему образования, СМИ, религиозные каналы и т. д.

Среди трендов, которые наметились в осмыслении японцами интересов страны в мире, можно выделить: 1) желание видеть Японию в роли более активной силы, берущей на себя «ответственность» на международной арене, стремление к большей самостоятельности в рамках союза с США и допущение возможности вступления в международные политические союзы; 2) несмотря на то, что важность японо-американского договора безопасности признается большинством японцев, США, наряду с Китаем, видятся источником конфликтов; 3) отсутствие претензий на статус сверхдержавы и сохранение пацифистской идентичности.

Самовосприятие японцев в пространстве послевоенной истории противоречиво. С одной стороны, идут поиски роли Японии в координациях постбиполярного мира. С другой стороны, большая доля населения считает, что послевоенная эпоха еще не закончилась. С этим связана устойчивость пацифистской идентичности и видение своей страны как «уникальной» в силу ее исключительной оборонной политики и сохранение определенной доли людей, считающих, что Токио до сих пор несет ответственность за ущерб, причиненный азиатским странам во время войны. В итоге макроидентичность в качестве «необычной страны» уже содержит в себе вектор движения в сторону ее «нормализации».

В то же время политическая идентичность на уровне массового самосознания демонстрирует расчлененность общества. Японцы инстинктивно не хотят воспринимать навязываемую им модель «обычного

государства», или «красивой страны», ощущая, что за этими лозунгами кроется риск ремилитаризации страны. Сочетание архетипических представлений о гармонии (ва) с неизжитым комплексом виктимности защищают нацию от резкой смены парадигмы в трансформации национального сознания. При этом происходит разделение японского социума на три сопоставимые части — тех, кто идентифицирует себя с официальным курсом, тех, кто выступает против, и тех, кто не определился.

В контексте исследования важно было определить динамику, представляющую интерес в свете перспектив российско-японских отношений. Результаты опросов показывают, что, например, кампания за возвращение «северных территорий» носит в большей степени *политический и символический характер* и сохраняет связь с конкретными интересами людей лишь в некоторых районах. В какой-то мере это — также элемент идентичности, мешающей «перевернуть страницу послевоенной истории». Массы и бизнес-сообщество не включают проблему «северных территорий» в число приоритетных озабоченностей. Японцы оценивают угрозу со стороны России как менее вероятную, чем со стороны Китая или даже США, и не исключают сотрудничества с ней в сфере безопасности, что становится более возможным в условиях ухудшения японо-китайских и японо-корейских отношений, а также нарастания стратегической неопределенности во внешней политике США. Тем не менее обсуждение территориальной проблемы в СМИ и зависимость новостного контента японских медиа от американских в части подачи международных событий способствуют поддержанию устойчиво негативного образа России в глазах японского обывателя, несмотря на то, что за последние шесть лет наблюдается слабая тенденция к более позитивному восприятию нашей страны в японском социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абэ С.* Уцукусий куни-э. [К прекрасной стране.] Токио: Бунсюн синсё, 2006. — 232 с. [на японском языке].
2. *Дуткевич П., Казаринова Д.Б.* Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02
3. *Караки Д.* Нихондзин-но кокоро. [Душа японцев.] Токио: Тикума сёбо, 1965. — 375 с. [на японском языке].
4. Конституция Японии (официальный перевод) // Конституции государств Азии. Т. 3 / Под ред. Т.Я. Хабаровой. М.: Норма, 2010. С. 1013–1037.
5. *Осаки И.* «Хоппо рёдо» мондай-ни кан-суру сэнко кэнкю-но тотациутэн то сонно гэнкай. [Пересмотр предшествовавших исследований проблемы «северных территорий».] // Рицумэйкан кокусай канкэй ронсю. [Работы по международным отношениям университета Рицумэйкан.] Киото: Рицумэйкан дайгаку кокусай канкэй гаккай, 2007. С. 23–45 [на японском языке].

6. *Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В.* История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. — 456 с.
7. *Стрельцов Д.В.* Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 38–45.
8. *Тавара Ё., Ёкота Х., Уодзуми А.* и др. Абэ Синдзо-но хонсё. [Истинная природа Синдзо Абэ.] Токио: Кинъёби, 2006. — 142 с. [на японском языке].
9. *Чугров С.В.* Специфика политической культуры и политического устройства Японии // Сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 679–700.
10. *Akita H.* US-China Confrontation and Japan's Future Course // AJISS-Commentary. 25.10.2019. No. 278 (official site) [online]. Accessed 12.11.2019. URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201910/25-1.html
11. *Ben-Dasan I.* The Japanese and the Jews. Tokyo: Weatherhill, 1972. — 193 p.
12. *Borthwick M.* Pacific Century. The Emergence of Modern Pacific Asia. Third edition. Boulder, Colo: Westview Press, 2007. — 592 p.
13. *Hagström L.* The 'abnormal' state: Identity, norm/exception and Japan // European Journal of International Relations. 2015. Vol. 21 (1). P. 122–145. DOI: 10.1177/1354066113518356
14. Japan as a "Normal Country"? A Nation in Search of its Place in the World (Japan and Global Society) / Ed. by Y. Soeya, M. Tadokoro, D.A. Welch. Toronto: University of Toronto Press, 2011. — 211 p.
15. *Kurata H.* Between Nonproliferation and Regional Arrangements: Japan's Position in the Current Korean Impasse // AJISS-Commentary. 22 August 2019. No. 273 [online]. Accessed 12.11.2019. URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201908/22-1.html
16. *Nakane Ch.* Japanese Society. Berkeley, CA: University of California Press, 1972. — 172 p.
17. *Ozawa I.* Blueprint for a New Japan: The Rethinking of a Nation. Tokyo: Kodansha International, 1994. — 208 p.

Дата поступления: 08.12.2019.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. NO. 1. P. 87–108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054

S.V. CHUGROV

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation.

L.B. KARELOVA

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation.

Sergey V. Chugrov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations.

Address: 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (495) 502-43-17. **Email:** new-polis@politstudies.ru

Liubov B. Karelova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of RAS. **Address:** 12, bl. 1, Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (910) 401-31-56. **Email:** lbkarelova@mail.ru

JAPAN AS A “NORMAL COUNTRY”: METAMORPHOSES OF POLITICAL IDENTITY (ANALYTICAL REVIEW OF OPINION POLLS)

Abstract. The research was focused on the political identity dynamics of the Japanese people through their attitude towards specific political issues, concepts, and doctrines, through ideas about the role of their country in the world, their attitude to “constituent Others” and their military history, as well as the analysis of differences between identities at the macro and micro levels during the emergence of the official course towards transforming Japan into a “normal country”. The solution to this problem is relevant in regards to Russia building a constructive policy in relation to Japan. The article analyzes a series of special and longitudinal studies characterizing generational change over the past 20 years in order to determine how much Japanese political preferences have changed in reference points that reflect their political identity, and which of these points allow us to identify significant determinants. As a key determinant of these surveys, the authors selected the degree of stability of pacifist self-consciousness, while analyzing the cumulative effect of several major factors in the formation of pacifism as the core of Japanese political identity: a) the archetypal principle of harmony (*wa*), expressed in the tendency of the Japanese people to smoothen out potential conflicts and in the outstanding ability to adapt and to adopt, b) the long-term implications of the constructivist paradigm in political rhetoric concerning the problem of national security; c) the impact of pacifist cultural and political discourse; d) the victimization complex that has developed in the wake of the defeat; and e) the absence of a clear perception of military threat in the society. Together, they make us believe that pacifist self-identification has a large margin of stability, and speak to the bifurcation of the current political identity of the Japanese people, which is experiencing a multi-vector pressure of the ‘power’ strategy of political realism and value-oriented approaches of constructivism. The authors identify the main directions of stratification of the political identity of Japanese society, point to some emerging trends in the realm of ideas on security policy, draw conclusions about the real place and influence of reflection on the Russian-Japanese territorial issue in the structure of Japanese political identity.

Keywords: political identity; Japan; opinion polls; pacifism; constitution; significant others; the problem of the “northern territories”.

For citation: Chugrov S.V., Karelova L.B. Japan as a “Normal Country”: Metamorphoses of Political Identity (Review and Analysis of Public Opinion Polls). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 87–108. DOI: DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054

The study was conducted under support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Expert Institute of Social Research (Project No. 19-011-31666 “Values and traditions in the formation of political identity in Japan (prospects for Russian-Japanese relations)”.

REFERENCES

1. Abe Sh. *Utsukushii kuni-e*. [Toward a Beautiful Country.] Tokyo: Bunshun shinsho, 2006. 232 p. (In Japan.)
2. Dutkevich P., Kazarinova D.B. Fear as Politics. *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 8–21. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02

3. Karaki Dz. *Nihonjin-no kokoro*. [Japanese Soul.] Tokyo: Chikuma shobo, 1965. 375 p. (In Japan.)
4. The Constitution of Japan (official translation). *Konstitutsii gosudarstv Azii. T. 3*. [Constitutions of the states of Asia. Vol. 3.] Ed. by T.I. Khabarova. Moscow: Norma publ., 2010. P. 1013–1037. (In Russ.)
5. Osaki I. Revision of previous studies of the “northern territories” problem. *Ritsumeikan kokusai kankei ronshu*. [Ritsumeikan University Papers on International Relations.] Kyoto: Ritsumeikan daigaku kokusai kankei gakkai, 2007. P. 23–45. (In Japan.)
6. Panov A.N., Sarkisov K.O., Strel'tsov D.V. *Istoriya vneshnei politiki Yaponii 1868–2018 gg.* [History of Japanese Foreign Policy 1868–2018]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ., 2019. 456 p. (In Russ.)
7. Strel'tsov D.V. Victimacy as part of the post-war identity of Japan. *Rossiiskoe yaponovedenie segodnya: k 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov*. [Russian Japanese Studies today: on the 20th anniversary of the Association of Japanese Studies.] Moscow: IDV RAN publ., 2015. P. 38–45. (In Russ.)
8. Tawara Yo., Yokota H. Uozumi A., et al. *Abe Shinzo-no honsho*. [Shinzo Abe's True Nature.] Tokyo: Kinyobi publ., 2006. 142 p. (In Japan.)
9. Chugrov S.V. The specifics of the political culture and political structure of Japan. *Sravnitel'naya politologiya*. [Comparative Political Science.] Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt Press publ., 2015. P. 679–700. (In Russ.)
10. Akita H. US-China Confrontation and Japan's Future Course. *AJISS-Commentary*. 25.10.2019. No. 278 (official site). Accessed 12.11.2019. URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201910/25-1.html
11. Ben-Dasan I. *The Japanese and the Jews*. Tokyo: Weatherhill, 1972. 193 p.
12. Borthwick M. *Pacific Century. The Emergence of Modern Pacific Asia*. 3rd ed. Boulder, Colo: Westview Press, 2007. 592 p.
13. Hagström L. The ‘abnormal’ state: Identity, norm/exception and Japan. *European Journal of International Relations*. 2015. Vol. 21 (1). P. 122–145. DOI: 10.1177/1354066113518356
14. *Japan as a “Normal Country”? A Nation in Search of its Place in the World (Japan and Global Society)*. Ed. by Y. Soeya, M. Tadokoro, D.A. Welch. Toronto: University of Toronto Press, 2011. 211 p.
15. Kurata H. Between Nonproliferation and Regional Arrangements: Japan's Position in the Current Korean Impasse. *AJISS-Commentary*. 22 August 2019. No. 273. Accessed 12.11.2019. URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201908/22-1.html
16. Nakane Ch. *Japanese Society*. Berkeley, CA: University of California Press, 1972. 172 p.
17. Ozawa I. *Blueprint for a New Japan: The Rethinking of a Nation*. Tokyo: Kodansha International, 1994. 208 p.

Received: 08.12.2019.
